

«Народное целительство»: психологический анализ феномена

Бондаренко А. Ф. «Народное целительство»:
психологический анализ феномена / в кн. Психологическая
помощь: теория и практика. — Изд. 3е, испр. и доп. — М.:
Независимая фирма «Класс», 2001. — С. 303316.

«НАРОДНОЕ ЦЕЛИТЕЛЬСТВО»: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА

По многочисленным просьбам принимает известная
знахарка и спасительница Ирина.

Как специалист в области народной и нетрадиционной
медицины, народный целитель Ирина, имеющая
аттестационноэкспертное заключение УАНМ № 2740 от 14.
Об. 1999 г. и специальное разрешение Минздрава Украины
№ 00126 от 31. 08. 1999 г., проводит также индивидуальный
прием. Методом биоэнергоинформотерапии она оказывает
опосредованное воздействие, способное оживить через
подсознательную сферу матрицы нормы памяти. При этом
воздействие концентрируется на организме в целом, что
позволяет «запустить» внутреннюю фармакологическую
систему человека. В ответ на словесно энергетическое

воздействие, которое несет лечебные импульсы, организм начинает самостоятельно бороться с болезнями.

Лицензия Минздрава № 25630ЮЗ от 22. 01. 99 г. (Реклама из газеты РЮ, № 2, январь, 2001 г.)

Из того, что не все способны понять психологию, вовсе не следует, что психология не способна понять всех.

Из частной беседы

Анализ состояний сознания социума, оставаясь проблемой хронически актуальной, вряд ли будет когда-либо обеспечен грантами по той простой причине, что организации, финансирующие психологические исследования, заинтересованы прежде всего в полезной или потенциально утилизируемой информации. Изучение массового общественного сознания постсоветских граждан если и представляет какой-либо интерес, то скорее для тех, кто не имеет финансовых средств в силу преобладания инстинкта любознательности над инстинктом любостяжательства или же для тех, кто предпочитает держать финансирование подобных исследований в тайне.

Изучение феномена «народного целительства» и фигуры «народного целителя» на постсоветском пространстве

принадлежит к подобной тематике. Легче предположить финансирование вызывания к жизни этого явления, чем субсидирование его разоблачения. Между тем представляется необходимым хотя бы в общих чертах дать научную характеристику этой мифологической креатуре общественного сознания последних десятилетий XX века не столько даже из научного любопытства, сколько из чувства профессионального сострадания и к обществу, и к самой науке. Безусловно, профессиональные психологи вправе не замечать ни народных целителей, ни астрологов, ни прочих профессиональных распространителей слухов и предрассудков, отнеся их к разряду своеобразных артистов лганья как жанра, у которых есть своя публика.

Можно занять и другую позицию, так сказать, прагматическую: людям помогает, и слава Богу. Беда в том, что позиция эта весьма уязвима. Ведь снимают стресс, улучшают самочувствие и домашние животные, например, кошки. Но им же не выдается лицензия Минздрава, в которой официально засвидетельствованы столь широко признанные способности домашнего любимца.

Вот почему нравственный долг перед наукой и перед людьми, с уважением относящимися к ней, не может не побуждать профессионального психолога к ясной мысли и свободному высказыванию о психосоциальной сущности

упомянутых явлений с тем, чтобы, отквалифицировав их надлежащим образом, обозначить границы — и исторические, и психологические — самого феномена. Восстанавливая тем самым референтную норму научного объяснения и понимания данной психосоциальной феноменологии.

В преддверии анализа имеет смысл обратиться к двум равнозначным истокам генезиса самого явления «народного целительства»: к этимологии процесса (вещи) и к этимологии словосочетания (имени).

Как мы все (имеются в виду взрослые) хорошо помним, массовые телесеансы с участием «целителей экстрасенсов» начались в конце 1980х, на изломе политики так называемой «перестройки», явившейся своеобразным итогом грандиозного формирующего эксперимента, именовавшегося по разным поводам то «перековкой», то «закаливанием стали», то «поднятием целины» и прочими индустриальноаграрными метафорами, семантическая функция которых заключалась в эвфемизации процессов репрессирования познавательной способности личностного сознания, а закономерным итогом явилась констатация на уровне языковой формы, что «построено не то». Прямо как в украинской сказке: кузнец ковалковал железку, потом

опустил ее в воду, но кроме неприятного шипящего звука ничего из этой ковки не вышло.

До конца восьмидесятых единственной публичной фигурой, олицетворявшей не то что санкционированную свыше, но как бы молчаливо дозволенную и допущенную до общения с массами возможность личного и свободного реагирования на общие и частные события, был и оставался, даже после своей кончины, артист легкого жанра, выступавший под броским псевдонимом Вольф Мессинг.

Собственно говоря, уже сам этот псевдоним, явно сочетавший в себе германскую идентификацию имени (Wolf) и отдаленную аллюзию на древнееврейское «messiah» концентрировав в себе, как в фокусе, некое средоточие мистических сил, таящих залог свершения пресловутого чуда, компенсаторным ожиданием которого (а что собой представляет вера, как не предельно интенсивно переживаемое ожидание чуда?) издавна были проникнуты былины, сказки и утопии русского, как, впрочем, и любого другого этноса.

Загадочная сила имени, диктующая магическому сознанию строжайший запрет на его произнесение (запрет на произнесение собственного имени во многих варварских

культурах; запрет на произнесение имени Бога в иудейской традиции; «не поминай Господа всуе» в православной и т.д.), имеет и свою оборотную сторону: огромную суггестивную, побудительную мощь. Устрашающие клички индейских вождей, средневековых рыцарей, не говоря уже о прозваниях королей, царей и императоров, служили некой важной миссии: внушать ужас и безграничное, до потери чувств, преклонение не только перед ликом, но и перед именем властелина. Не трудно вообразить, кто бы занял место «отца всех времен и народов» при той же логике социальных событий в России, выбери в силу житейских обстоятельств Лейба Бронштейн себе звучный и богатый металлургическими ассоциациями псевдоним «Сталин», а Иосиф Джугашвили — невнятный для русского слуха псевдоним «Троцкий», лишенный всяких намеков на процессы обработки металлов и их качество. Ведь магический компонент так или иначе в общественном сознании присутствует всегда.

Здесь целесообразно небольшое отступление. Не знаю, существуют ли исследования, посвященные истории псевдонимов на Руси, но зато доподлинно известно, что в дореволюционной России множество людей, за исключением разве что родовитой знати да уважающих себя разночинцев, свои собственные фамилии не жаловали. Не жаловали до такой степени, что в первые

послереволюционные годы советское правительство, почти половина членов которого носила вымышленные имена, издало специальное распоряжение или, как тогда выражались на французский манер «декрет», т.е. предписание, великодушно позволявшее всем, имеющим неблагозвучные фамилии, заменить их на более приемлемые. Так исчезли многочисленные Дурново, Остолоповы, Нетудыкорыты, а на смену им пришли далекие от прозвищ (ср. «'прізвище») соплеменников, но зато благозвучные и приятные во всех отношениях Гладковы, Умновы, Светловы и — далее от имени в основе слова. Впрочем, это решение революционного правительства не было оригинальным. Оно лишь воспроизвело на новом историческом этапе русскую традицию отдавать предпочтение броскости и красоты в противовес глубине и подлинности. Отказ от собственной фамилии, распространившийся, подобно эпидемии, в конце XIX — начале XX века, в России особенно заметен по псевдонимам антиправительственных заговорщиков и так называемых «пролетарских писателей». Легко предположить, что все самопереименованные (Горький, Скиталец, Бедный, Голодный, Ленин, Сталин, Каменев, Зиновьев, Киров и, по-видимому, ранее всех — Герцен) склонны были объяснять необходимость клички требованиями конспирации или же предельной экспрессивностью выражения народных страданий.

Позволю заметить, однако, что подобные рационализации критики не выдерживают. Не только потому, что полиция и без того дегко идентифицировала новоименованного, но и потому, что в глаза, к сожалению, бросается другое: сугубо психоаналитическая подоплека конфликта отца и сына, который, кстати говоря, совершенно не вытекает из русскогреческой православной традиции в отличие от традиции римокатолической, где этот конфликт запрограммирован изначально структурой Святого семейства, что, собственно, и отражено в учении З. Фрейда. Следовательно, если предположить, что принятие того или иного псевдонима обусловлено не просто инфантильным желанием выдать себя за кого-либо иного, только не за сына своих родителей, а, скажем, за устремленного к высокой миссии носителя идеи, и что на самом деле предпочтение псевдонима является результатом разрыва связи с родом, семьей, домом, то вполне резонно возникает вопрос о глубинной мотивации такого выбора.

Стоит, однако, внимательнее отнестись к направлению деятельности и ее последствиям как итогу выбора, и ответ оказывается ближе, чем можно было предположить. Всякий раз, когда мы имеем дело с отречением от отцовского рода в форме отказа от фамилии отца, мы сталкиваемся с осознанным или замещенным конфликтом отца и сына, который свойствен не истинно православной, т.е.

деструктурированной в этом смысле, семье. Выраженная пусть не в форме явного противостояния, а в форме нелюбви, в форме сыновьего желания отречься от отца, превзойти его, своеобразно отомстив либо за факт своего незаконного рождения (Герцен), низкого происхождения (Сталин), за отцовский отказ от жены, сыновьей матери (Горький), утверждающее нежелание идентифицироваться с лично неприятными этническими (калмыцкими) корнями отца (Ленин), эта тенденция вела к компенсаторному утверждению себя самого в качестве отца: родоначальника (пролетарской литературы. Горький), создателя (первого в мире государства рабочих и крестьян, Ленин), собственно отца (всех времен и народов, Сталин), а также к появлению многочисленных «батек», заправлявших романтизированными отрядами поющих психоаналитическую балладу отречения и конфликта: «Я хату покинул, пошел воевать». Если в духовном плане конфликт с отцом выражался в богоборчестве, в конфликтах с властью и законом, то в практическом аспекте, естественно, — в убийствах или подстрекательстве к ним. Ведь в основе данного конфликта лежит чувство мести и темное желание господства, не просветленное любовью и милосердием, передающимися от отца к сыну, так же как от сына к отцу — благодарностью и ощущением защищенности и заботы.

Не вдаваясь в психологическую подоплеку этой тенденции, отметим лишь следующий момент, сопутствующий склонности или потребности изменить отчую фамилию на измышленную. Прежде всего это служебная или диктуемая образом жизни необходимость в отдаленности от мира, от публики, которая всегда была ярко выражена у служителей культа и театра.

Принимающие монашеский обет, принимают и новое имя. Одним из указов, не упомяну уже точно какого российского самодержца (который позже скопировало революционное правительство), было высочайше поведено изменить неблагозвучные фамилии приходских священников на ласкающие слух паствы. С этой целью воспользовались близостью дня крещения имярек к религиозным праздникам или простым надением выпускника семинарии носительством высоких церковно окрашенных качеств. Так среди русского священства появились сотни Спасских, Рождественских, Богоявленских, Добролюбовых, Милосердовых и пр. Подобную же функцию, только с выраженным компонентом эпатажа, выполняли и выполняют говорящие псевдонимы актеров и артистов (всех этих лад дэнс, аллегровых, мадонн и прочих астрай).

Особенностью «псевдо» (мнимых, ненастоящих) самоназваний всегда была их особая связь с социумом,

проявлявшаяся либо в желании определенного воздействия на него, либо в подчеркивании отделенности от него, либо в нарочитом усилении функции идентификации с ним посредством эксплуатации семантико-морфологических структур языка.

В этом отношении словосочетание «Вольф Мессинг» было столь же однозначно в своем векторе воздействия — отделенности, сколь, например, словосочетание «Тарапунька и Штепсель» в векторе воздействия (смехового) — тождества. Псевдорусские или даже псевдоанглийские самонаименования тружеников эстрадного жанра не выдерживают, впрочем, никакого сравнения с вышеупомянутым, не от мира сего, Вольфом Мессингом по причине того, что человек, носящий этот псевдоним, не просто «далек от народа», но противопоставит «народу», стоит вне и над «народом», (толпой), снисходя к нему лишь иногда на специальных действияхпредставлениях.

В эпоху, когда артист под псевдонимом Вольф Мессинг покорял обескураженную публику, самим фактом своего существования опровергая предельно формализованный рационализм насаждаемого государством «единственно верного» сознания, на общественной арене в каком-то спешном порядке стали возникать другие фокусники, рядом

с которыми для обеспечения наукообразия и контролируемости ситуации всегда маячила если не фигура представителя ученого мира (как правило, из технических наук), то пытливого журналиста, пишущего на паранаучные темы. Внезапно возник феномен Розы Кулешовой, кожей пальцев различавшей цвета и даже якобы читавшей ладонями. Затем, в середине семидесятых, ярким светиллом на страницах газет засияло имя целительницы Джуны (уже просто отбросившей длинную фамилию Давиташвили за ненужностью, как указание на земную локализацию происхождения и этническую принадлежность), которая якобы обладала уникальной способностью исцелять страждущих, даже не прикасаясь к ним, чем превзошла, кстати говоря, самого Христа, который, по свидетельству евангелистов, исцелял все же прикосновением. Таким образом, если до появления в массовом сознании образа Джуны было известно, что миром (по меткому замечанию Р. Барта) одним мановением пальца могли управлять лишь боги или гангстеры, то теперь этих заправил общественного Олимпа потеснили разношерстные целители от народа. Когда же вышеупомянутые фигуранты оккупировали арены стадионов, страницы газет, радиостудии и воцарились на телеэкранах, общественное сознание помутилось. Этому помешательству сопутствовало два явления. Явление говорящей головы без имени, просто с фамилией

(Кашпировский) и явление молчащей головы, мягко помавающей рукой, с именем и фамилией, сочетание которых вошло в долговременную память публики, как горячий нож в теплое масло: Алан (нечто очень далекое, возможно, кавказской этимологии) и Чумак (более чуждое, говорящее слово).

Десятки, сотни тысяч людей без различия пола, возраста и социального положения прильнули к экранам телевизоров, в спешном порядке выставляя перед ним стаканы, бидоны и кастрюли с водопроводной водой, не говоря уже о косметических кремах и прочих жидких или полужидких субстанциях. Толпы людей хлынули в киноконцертные залы на сеансы и на прием к новоявленным целителям от народа, имя же им легион, в надежде вывести бородавки, избавиться от седины, вернуть себе мужей (жен, понятно, заказывали вернуть гораздо реже) и даже найти пропавших без вести. Этот наплыв толп можно будет сравнить через несколько лет с толпами, осаждающими посольства зажиточных стран, когда прозревшие граждане в таком же массовом порядке предпочли подаянию словом подаяние хлебом.

Венцом всей этой вакханалии стало предъявление обезумевшей публике слепой, но громко говорящей, пожилой женщины по имени (фамилия, разумеется, в таких

случаях ни к чему) Ванга, обитавшей в какомто далеком от столбовых дорог цивилизации болгарском селе.

В Болгарию потянулись паломники из числа выездных тогда журналистов и народных (!) артистов за сладким чудом разгадки прошлого и прознания будущего. После публичного засвидетельствования общенародным любимцем Вячеславом Тихоновым того факта, что Ванга совершенно необъяснимым образом объявила, откуда у него на руке часы, подаренные ему первым космонавтом (о чем, естественно, кроме бывшего Штирлица, не знал никто), стало совершенно очевидно: встреча двух исполинов популярности — народного артиста и безродной предсказательницы — дала миру социализма новый жанр: балаган абсурда.

Этот жанр действительно оказался новым для нескольких поколений советских людей. Здесь не было авторских пьес, как в театре абсурда. Не было эстетического удовольствия от безупречной иллюзии волшебства, как в цирке. Не было даже пошловатого веселья, как в ярмарочном балаганчике начала века. Здесь проделывали фокусы и трюки, в которых зритель, он же статист, оставался не только одурачен, не только обобран, но и унижен. Здесь не покупалось удовольствие, а отнимались деньги вместе с человеческим достоинством. Догадывались ли об этом люди? А если не догадывались, то что же произошло с массовым

сознанием? Произошло то, что прививка контролируемой толики иррационализма к рационально репрессированной способности самостоятельного рассуждения не выполнила предназначавшейся ей функции иммунизации. Беззащитное в своей стерильности сознание социума, из которого десятилетиями вытраивалось личностное «Я», личностный взгляд на мир, пало жертвой прививочной дозы мистики.

Собственно говоря, балаган абсурда существует и существовал всегда там, где существовали игорные дома и дома терпимости, тотализаторы и карточные шулера, простофили и ловкачи. Новым для нашего социума явилось только то, что до краха тоталитарной идеологии единственным монополистом, распоряжающимся рынком общественного сознания, было государство. Но как только государственная монополия на водку и идеологию была отменена, бесчисленные толпы торговцев «духовным товаром» ринулись за столбить себе место на необозримых просторах, заселенных непуганными славянскими душами, у которых вначале отняли свободу выстраивать собственные смыслы жизни, а потом приучили к тому, что смысл (притом один единственный) задается извне, мудрым руководством. Теперь, когда оказалось, что смысл можно еще и купить — недорого в виде слов и обещаний, дорого — в виде вещей и недвижимости, народ подался

в потребители товара для души, по сходной цене, не только оптом, но и в розницу.

Особая роль в этих процессах деформирования массового сознания принадлежит средствам информации, выполняющим зачастую функцию своеобразного импрессарио, сочетая обязанности и рекламного агента, и продюсера. Если в 30е годы стала очевидной беспримерная значимость радио в индуцировании массовых психических состояний (пресловутая радиопостановка «Война миров» по роману писателя фантаста Г. Уэллса в США, вызвавшая панику в нескольких штатах страны), то после Второй мировой войны эту же миссию, но с гораздо более выраженным эффектом, подхватило телевидение.

В коммерциализованных странах главная роль в этом принадлежит коммерческой рекламе, инсталлирующей в массовом сознании перцепты-химеры благодатных, но не всегда доступных образцов вещей на основе предлагаемых потребительских товаров (от образца внешности до стиля жизни), обуславливая тем самым требуемые поведенческие или когнитивные рефлексии.

В странах с неразвитыми товарно-денежными отношениями в качестве такого потребительского продукта товара предъявляется поэтому персонаж, которому приписывается

носительство благодати. Как потребление соответствующих изделий, рекламируемых в коммерческой передаче, придает потребителю хотя бы частицу высоких достоинств, присущих тем, кто ими щедро наделен в силу обладания рекламируемыми ценностями (от косметики до марки автомобиля), так же и потребление благодати, исходящей от целителя, щедро «заряжающего» этой благодатью даже водопроводную воду в стакане перед телевизором, сообщает ее потребителю хотя бы частицу благости, отделяя его или ее от прочих смертных. Понятно, что такой персонаж товар должен быть соответственно упакован и представлен.

Поэтому если в начале века воздействие на массовое сознание со стороны подобных персонажей предполагало ярко выраженную идентификацию с именами, представленными в этносе, населяющем свою территорию, эксплуатируя тем самым «плоть от плоти» и «кровь от крови» (ср. пролетарские псевдонимы), то в наше время всю эксплуатируется миф вненаходимости персонажа, выступающего в роли фигуранта в подобном воздействии. Миф вненаходимости означает не что иное, как непринадлежность, отсутствие тождественности, оторванность от пространственной, временной, этнической, профессиональной, социальной и иных идентификаций фигуранта. Этот миф реализуется либо путем изъятия

фамилии (ведь фамилия Давиташвили, дает явное указание на происхождение), либо имени (просто «доктор Кашпировский»), либо если имя и фамилия предъявляются, то в ход пускается стандартная легенда о доисторическом (якобы ассирийском, чуть ли не шумерском) происхождении фигуранта, что так же смешно, как если бы некий киевлянин стал доказывать, что он родом из старинного племени древлян, а гражданин Израиля утверждал бы, что происходит из древнего ханаанского рода. Вненаходимость и вневременность по отношению к публике — вот что диктует сочетание несочетаемого (Юрий Лонго, Алан Чумак). Вненаходимость и внекаузальность «целителя ясновидца», подчеркивающие отсутствие всякой реальной связи с обычными людьми, предназначены для той же роли, какую в античном театре играл «Deus ex machina», внезапно появляясь в определенный момент представления как символическое воплощение воли рока.

Генезис явления массового целительства, таким образом, прозрачен: тонкая пленка, чтобы не сказать мыльный пузырь рационализованного репрессиями и террором общественного сознания лопнула, и под оболочкой, расцвеченной переливающимися идеологемами «светлого будущего» обнаружилось кишачье месиво суеверий, предрассудков, страхов и несбыточных чаяний. Лишенная собственного «Я» особь, именовавшаяся на фабрике

идеологического производства изделием «советский человек», оказалась на поверку дохристианским варваром, всецело находящимся в плену инфантильномагического сознания. Сознания, не различающего слово и реальность. Сознания, в котором господствует не сила мысли, а сила заклинания. Не авторитет знания, а авторитет покорности. Не логос просветленного истиной чувства, а ритм и жест экстатических состояний шаманов от эстрады.

И вот, когда на это кишашщее месиво из предрассудков, страхов и смутных ожиданий налетели, подобно стаям ворон, еще и проповедники, миссионеры разных мастей и фасонов со своим нехитрым спиритическим колониальным товаром, стало окончательно ясно: если сон разума рождает чудовищ, то его запрет рождает химеры.

Колдуны, экстрасенсы, белые и черные маги, гадатели на картах Таро и простые прорицатели по вдохновению, агитаторы от разношерстных сект и всевозможные ряженые — от атаманов до кришнаитов — появились подобно шекспировским пузырям земли среди разлагающегося социума, пытаюсь отнять последнюю копейку у ограбленного, растерянного и озлобленного населения в обмен на обещание «избавить» «исцелить» и «возродить». Но особое место среди сонмища

новоявленных спасителей заняла, конечно, фигура «народного целителя», так сказать, фольксхилера.

Чтобы понять этот феномен в его сокровенной сути, в способах его явления миру, вспомним этапы институционализации: появление курсов «народных целителей», открытие аптек «народных фармацевтов» и, наконец, апофеоз тенденции — создание в столицах стран СНГ «Институтов народной медицины». Таким образом, «народное целительство» было институционализировано как особый вид официальной, санкционированной государством деятельности, сертификат на право которой является своеобразной акцией, приносящей дивиденд от хилерских услуг. Государство получает доход от продажи этой акции очередному «целителю», засвидетельствовавшему право на ее покупку справкой о прослушанных курсах, которые уже получили свой доход от инвестированных в них средств, выкроенных будущим «целителем» из семейного бюджета. Далее хилер получает доход от продажи своих телодвижений. А легковверные граждане вкладывают деньги в мечту об исцелении, правомочность которой гарантируется заверенным печатью отказом государства признать свою ответственность за душевное и телесное благополучие своих граждан. Как говорится, выгодно всем. Экономический секрет институционализации этой деятельности состоит всего

навсего в превращении ее в простой, «как правда», сравнительно честный бизнес, ничем не отличающийся, к примеру, от брачного или игорного, где эксплуатируется призрачная мечта (внезапно разбогатеть) и более или менее выраженное влечение к острым ощущениям. Единственной реальностью во всей этой фантомной деятельности выступают два скромных денежных потока. Первый составляют инвестиции будущих хилеров в коммерческие курсы и ведомство госаппарата, санкционирующие право (и это их бизнес) на организацию второго потока — из кармана легковерной публики в карман хилера (и это его бизнес).

Но что же в данном контексте означает эпитет «народный»? То, что это прилагательное не просто определение, а именно эпитет, т.е. слово, несущее некий эмоционально насыщенный смысл, сомнений не вызывает. Так же, как и то, что этот советизм — всего лишь продолжение однообразного ряда идеологом конкретного исторического периода: «народный артист», «народный поэт», «народный судья», «народный заседатель», «народный учитель», «народный депутат» и даже, кажется, «народный академик» (применительно не то к дедушке Мичурину, не то к овощеводу Лысенко). Идеологический смысл данного определения во времена вначале «классового», а затем «общенародного» социализма означал: «облеченный

доверием и пользующийся признанием народа», т.е. той группы людей, которые олицетворяли собой государство.

Вынесем семантику эпохи за скобки и рассмотрим это определение не через идеологические линзы. Может ли быть «народным» физик или математик? Хирург или системотехник? Были ли «народными» певцами «Битлз» и является ли «народным» артистом Лючано Паваротти? Ответ очевиден. Кто же может стать «народным» и каковы достаточные и необходимые условия появления на свет Божий подобных креатур?

Подсказка содержится в природе отношений субъекта и объекта оценивания и в выборе предмета оценивания. Стоит только оценить деятельность не во всей ее полноте, не в единстве содержания и формы, а выделить для оценивания одну лишь форму или одно лишь содержание, и мы получаем шаблон: народный — антинародный, абстрактный — реалистичный, классовый — общечеловеческий и т.д. Манипулируя этими полюсами конструкта, субъект деятельности оценивания волен упражняться в нехитром искусстве идеологического произвола. Стоит лишь зафиксироваться на способе трактовки предмета деятельности, а не на способах самой деятельности с предметом — и мы получаем алгоритм порождения клишированного сознания, при котором

сохраняется исходный конструкт, но изменяются его полюса. «Народный целитель» поэтому есть всего лишь точно такой же частный продукт этого алгоритма, каким является клише «юный шевченковец», образованное путем изменения одного из компонентов в конструкте «юный: ленинец, мичуринец, стахановец, буденновец» и т.д., и т.п.).

До тех пор, пока будет существовать прежний тип общественного сознания, явленный в конечном множестве жестких конструктов, подобно лексикону ЭлочкиЛюдоедки, до тех пор социум будет биться головой о жесткие схемы значений и смыслов, буквально не понимая того, к чему не подобрана готовая формула трактовки или, хуже того, «понимая» действительность так, как ее трактует клишировавший сознание конструкт. Общественное поведение и общественное сознание находятся в отношениях взаимообусловленной детерминации. Сознание социума, являясь конгломератом различных слоев и форм общественного сознания, интериоризуясь так или иначе индивидом в процессе его социализации, диктует ему ту или иную технологию проживания жизни. И наоборот: стиль жизни определяет индивидуальное сознание. На уровнях, предшествующих собственно персонализации, т.е. на инфантильномагическом, фидеистскомифологическом, обыденножителейском, политикоидеологическом и даже

профессионально-технологическом, социализированный индивид, по определению, не может покинуть пределы обитания, заданные ему его сознанием. Так, для носителя инфантильно-магического сознания подлинным обиталищем является толпа. Для носителя сознания фидеистско-мифологического — община: Обыденно-жизневого — семья. Политико-идеологического — партия, группировка. Профессионально-технологического — корпорация. Каждое такое психосоциальное образование есть производное от образа жизни, в свою очередь, производного от преобладающего уровня, слоя сознания социализированного индивида как его носителя. Повидимому, лишь собственно персонализированный индивид, т.е. тот, который смог не просто интериоризовать ту или иную форму, тот или иной слой общественного сознания, но выработать свое собственное сознание, пространством существования которого является личностно-экзистенциальная приобщенность к высокой человеческой культуре во всей ее многогранности и глубине, способен избрать и свой собственный способ бытия.

К какому же сознанию и к кому собственно обращены усилия «народных целителей»? Безусловно, прежде всего к инфантильно-магическому сознанию, т.е. к сознанию

толпы. Даже если они обращены к отдельно взятому индивиду, они обращены к нему как к представителю толпы. Поговорка гласит: каков поп, таков и приход. Но верно и обратное утверждение: каков приход, таков и поп. Как известно, чтобы лечиться, необходим некоторый ресурс здоровья. Равным образом, чтобы лечиться у психотерапевта, необходим некоторый запас интеллекта. Для примитивных, архаических структур сознания, в основе которых преобладает активность подкорковых структур, интеллектуально сильным оказывается примитивное же, в сущности магическое суггестивное воздействие. Именно поэтому, откликаясь на чаяния и представления примитивного сознания, народные умельцы от целительства определяют содержание своей деятельности не знающим преград лозунгом: «Лечу от всего». Начиная от супружеских измен и злых соседей и заканчивая бесплодием и онкологией. Лучшей аллегорией для главного действующего лица балагана абсурда был бы образ Панацеи Ходячей.

Но каковы же основные приемы и ухватки кулибиных от психотерапии?

В основе своей это гипнотическое или парагипнотическое воздействие на представителя публики, индуцирующее у последнего измененное состояние сознания, т.е. транс,

что, в свою очередь, приводит к релаксации, снятию напряжения, активации нарциссических витальных потребностей. Арсенал приемов здесь невелик: представление себя самого как существа не от мира сего — «целительница Ирина», «магистр Мексиканского ордена колдунов» (см. выше о псевдонимах); взятие страждущего на испуг («Вам сделано — „пороблено“ — на смерть»); демонстрация крайней бесцеремонности и брутальности в словах и жестах, что индуцирует транс у публики в силу самой непереносимости подобной грубости социальным индивидом («Ср...ть я хотела на нечистую силу»); нагнетание напряженности и подчеркивание собственной пронизательности («Да у вас прямо гроздьями проблемы висят»); использование суггестивных метафор из псевдофизического и псевдотехнического языка («Пробито энергетическое поле») или высказываний с заведомо неясной семантикой («Захваченность чужим астралом»). Одним из наиболее действенных приемов является сообщение несчастному содержания его переживаний, в частности, в форме стилизованного народного плача («Знаю, знаю, о чем болит душа. Об ней, о змее этой бессердечной тужишь»), но абсолютный верняк — что происходит с очень высокопоставленными пациентами, — это рассказ пациенту о недавних событиях, происшедших в его жизни, чаще всего случающийся, когда события происходят в квартире.

Подобные высказывания, индуцирующие трансовые состояния, предваряются или сопровождаются набором определенных жестов, своим происхождением, по всей вероятности, обязанным гипнотическим пассам: приближением или удалением ладони от пациента, верчением чем-то наподобие изогнутой велосипедной спицы (так называемое «замеривание энергетического поля»), параллельными или перекрестными движениями ладоней, плавными и успокаивающими. Предельно напряженное и сосредоточенное лицо «целителя» своей ложнозначительной мимикой подкрепляет суггестивный аспект происходящего.

Иногда инструментальные средства воздействия вносят некое разнообразие за счет блестящих или горящих предметов, церковной утвари, мерных, идеомоторной этиологии, движений небольших конусообразных висюлек «маятник»). Стеклянные и металлические шары и шарики, горящие свечи, кресты да изображения святых из разных религий — вот, пожалуй, и весь арсенал «народного целителя» средней руки. У более технически продвинутых имеются компьютеры, даже ноутбуки, которые, впрочем, используются не с информативной, а с манипулятивно-суггестивной целью убедить человека в том, что его «биополе» «пробито» или «повреждено» в определенном внутреннем органе.

Индукция с помощью перечисленного арсенала приемов и средств состояние транса вначале у себя, а затем, по механизму внушения или заражения, у пациента, хилер от народа (он же «био + энерго + инфо + психо + онто + терапевт») решает несколько задач психоэмоционального воздействия. Он обеспечивает максимум внимательного и обихаживающего отношения действия к пациенту; своим напряженно сосредоточенным видом снимает у пациента чувство ответственности, невыносимое, как показали экзистенциальные философы и психологи, для человека толпы, и, доведя своего подопечного до гипнотического состояния, активирует у него инфантильное нарциссическое представление о своей собственной (пациента) неуязвимости («Со мной ничего плохого случиться не может, потому что это Я»). В совокупности все это создает чувство комфорта и воспроизводит регрессивное, уходящее в детство ощущение отцовско-материнской заботы и защищенности.

Речь, таким образом, идет об эксплуатации неотрагированных детских ожиданий, относящихся к сильным и добрым отцу и матери, способным защитить и уберечь от всяких житейских неурядиц.

Чувство комфорта и благодарности за пережитое во время сеанса, сопутствующий им инфантильный страх и

преклонение перед могущественными силами добра, ^олицетворенными в образе целителя, и составляют психологическую подоплеку хилерского трюка. Отдельный аспект деятельности хилеров — эксплуатация подавленного или вытесненного сексуального напряжения или же иного аффекта, либо сублимирующихся в экзальтированноистероидную эмоциональную разрядку (истощные вопли, ругательства, катания по полу), либо принимающих форму невротической привязанности к фигуре «целителя» по типу трансфера. Здесь все определяется личностной типологией пациента и техникой работы целителя. Грубо говоря, на сеансах молчаливых целителей индуцируется трансфер. На сеансах экспрессивноговорливых — эмоциональная разрядка.

Ожидание чуда как невероятного и предельно приятного в своей непостижимости события срывает наподобие щелчка фотоаппарата — «и птичка вылетает».

Грустно, конечно, что она все еще вылетает: «на фоне Пушкина», на фоне Фрейда и Эйнштейна. Но такова уж особенность человеческой природы и человеческой психики. Люди хотят удовольствий и не хотят страданий. Они (мы?) готовы напрягаться лишь из крайней необходимости, и с радостью откликаются на любое предложение зазывал из разряда — быстро выиграть,

и не меньше миллиона, найти заморского мужа бизнесмена
и стать счастливой раз и навсегда, вылечиться сразу
и от всего. Балаган абсурда вечен. Но стоит ли покупать
в него билет?